

Нина Ленегор

Искушенные раем на земле

Самолёт плавно приземлился в аэропорту популярного турецкого города. Оживившись, пассажиры радостно зааплодировали. Рыжеволосая статная Тина в шёлковом брючном костюме, модных туфлях на невысокой шпильке, подхватив кокетливый саквояж, поспешила к выходу. К смотрящим она готовилась с присущей ей ответственностью. Не щадя живота своего, села на голодную диету, объявила войну веснушкам, с детства расписавшим аккуратный нос под перепелиное яйцо. Она даже решилась на татуаж бровей, нарисовав несмываемую уверенность в себе, зачеркнувшую природную наивность и непосредственность. В общем, после всех «make up» она стала не хуже и не лучше, а вот её кошелёк почти опустел.

Поборов нерешительность, Тина прошла вдоль многоликого строя встречающих, но жениха не увидела. К предательскому волнению прибилась трусливая паника, ноги показались ватными, изящный саквояж неподъёмным мешком. Она заставила себя вернуться. И тут услышала хриплый голос, увидела своё имя, криво нацарапанное на

плакате, который вверх тормашками держал знакомый по фотографиям мужчина.

Многочисленные Интернет знакомства Шимона научили: наяву, как правило, женщины разочаровывают. В мониторе компьютера он долго и недоверчиво изучал Тино лицо, беспардонно щёлкая курсором по милой позолоте веснушек, серо-зелёным глазам в удлинённой каёмке ресниц, смущённой улыбке на пухлых губах. Растерянно оглядываясь, Тина вновь прошлась вдоль строя встречающих, и Шимон решился её окликнуть. Они неуклюже обнялись. Жизненный опыт Тине подсказывал, незнакомые мужчины побаиваются к ней подступиться, поэтому заготовила милую фишку — в такси по-свойски взяла ладонь жениха и заботливо вытерла своим носовым платком. Расплывшись в доверчивой улыбке, Шимон обнял русскую невесту. Заметив грязный мазок на белом батисте, Тина поспешно спрятала платок в карман.

О такой невесте Шимон и не мечтал. Не худышка с пышной грудью, при этом длинная шея, гибкая талия, стройные ноги с тонкой щиколоткой. Тихий голос завораживает, заставляет вслушиваться в тягучую речь с лёгкой картавиной. Гораздо старше оказался Шимон. Начав компанию Интернет знакомств одиннадцать лет назад, свои фотографии он не обновлял, самоуверенно полагая, что ничуть не изменился. Пред Тиной предстал

немолодой мужчинка с неуверенной походкой, съеденные залысинами тусклые волосы собраны в жиденский хвост. Фирменные джинсы, швейцарские часы, в золотой оправе очки на цепочке, рисующей грязные закорючки на потной сорочке.

В скромной заморской гостинице Шимон деликатно снял два одноместных номера. Из огромного парусинового чемодана вытрусил одежду, обувь, деловые папки, фотоаппарат, видеокамеру, три мобильных телефона, бритву, парфюмы, маникюрный набор. А ещё ласты, походный утюжок, кипятильник, сухие супы, чай, кофе, будильник, складной нож. Его гостиничный номер стал напоминать палатку «сэконд хэнд», а сам Шимон — нервного покупателя в постоянном поиске. В своём номере Тина аккуратно разложила скромный гардероб. Она всегда стремилась одеваться по принципу: «Мы не такие богатые, чтобы покупать дешёвые вещи!», но возможность имела редкую.

На отдыхе время летело незаметно. Скрывая небольшое превосходство в росте, Тина обувала туфли на низком ходу и брала под локоть прихрамывающего спутника. На вопросы любопытных турков, не моргнув глазом, Шимон отвечал, что родом из Саудовской Аравии и гордо добавлял: «А моя подруга — русская!»

Удивлённой невесте он объяснил: «Зачем перед всеми отчитываться, что я из Израиля? Нас, евреев, не любят во всём мире!»

— Зря ты так, какое значение имеет национальность человека? Лишь бы душа светлая и помыслы добрые! — искренно убеждала Тина.

Они пили крепкий душистый чай из стаканчиков формы песочных часов, сваренный на песке кофе, расцвеченный аппетитной пенкой. Случайно забрели в лабиринт огромного рынка, где благодаря навязчивым торговцам, неожиданно для себя, Тина получила в подарок от жениха недорогую золотую цепочку и жакет из тонкой кожи. Обедали в маленьком ресторане на улице, Тина попросила креветки. Услужливый турок предложил ей пройти вместе с ним в рыбные ряды, на свой вкус выбрать морепродукты. Минут через пятнадцать они возвращались. Навстречу, прихрамывая, бежал взволнованный Шимон.

— Мне показалось, что турок увёл тебя навсегда! — шумно выдохнул он.

Бросившись на поиски Тины, он забыл на ресторанном столике пухлый бумажник и дорогую видеокамеру. К счастью всё обошлось — вещи не пропали.

Глубокий шрам на виске Шимона, асимметрия в лице, неустойчивая походка невольно бросались в глаза. А он спешил сообщить о своих возможностях

и связях, сыпал фамилиями израильских архитекторов, финансовых экспертов, адвокатов, партнёров по бизнесу. Тину это озадачивало — людей не знала, чужие имена запоминать не собиралась. В гостиничном номере на видном месте Шимон разложил чертежи нового проекта семейного бизнеса — современная жилая высотка с торговым центром и подземными гаражами. Рисованные «галочки», будто залётные чайки, заглядывая в окна верхнего этажа с видом на Средиземное море, острым крылом указывали на новые апартаменты Шимона и его будущей жены.

— Я открою для тебя бизнес — кафе «русские блинчики». У тебя есть водительские права? Я куплю тебе дорогой автомобиль! Твой паспорт в порядке? Мы будем путешествовать по всему миру! — назойливо одаривал обещаниями Шимон.

Если Тина присматривала недорогие сувениры, Шимон прикрывал рукой её кошелёк и самоуверенно заявлял: «Ты — моя жена, я обязан тебя обеспечивать!»

Она боялась обидеть, но всё-таки спросила: «У тебя такие возможности.... Почему не нашёл спутницу жизни у себя в городе или хотя бы в своей стране?»

Он будто ждал этот вопрос, ответил без запинки: «У нас маленький городок, небольшая страна, а, главное, я всегда мечтал о русской жене!»

Миниатюрные бухточки Средиземноморья облепили колонии крошечных крабов и морских ежей. Под изумрудной линзой воды кружевами раскачивались водоросли, сказочно красивые рыбки виляли павлиньими хвостиками. С первого шага дно уходило из-под ног. Держась руками за парапет, Тина плескалась у берега. Плавать и нырять она умела с детства, страх перед водой появился в юности. В надежде обратить на себя внимание соседский паренёк пытался её утопить — глупая выходка едва не закончилась трагедией для обоих.

В день перед отъездом Тина с берега наблюдала ныряющего Шимона — благо, видимость, как в аквариуме. А он ловил момент: вода скрывала хромоту и позволяла казаться плейбоем. Совсем расхрабрившись, не рассчитав направление, он сильно оттолкнулся и устремился головой прямо в риф. Тина пронзительно закричала — визг разрезал абсолютную тишину. Шимон резко дернулся на её голос, но столкновение с острыми камнями не избежал. Заметно обмякнув, жених камнем пошёл ко дну. «Кошмар! Нелепица!» молнией пронеслось в сознании Тины. Не раздумывая, она стремительно нырнула в воду, схватила Шимона за спасительный хвостик волос.

В медпункте долго выковыривали из лысеющего темечка жениха едва заметные иголки

морских ежей. Обработанные раны заклеили пластырем, который шаловливо напоминал пробивающиеся рожки. Настроение Шимона явно испортилось, раздражение чувствовалось во всём. В ресторане он отказался от оплаченного ужина, угрюмо отвернувшись. Тина в облегающем серебристом костюме, припасённом для последнего вечера, рассеянно ковыряла ложечкой фруктовое желе.

— В этом наряде ты похожа на змею! — прохрипел Шимон.

— Значит, тебе нравятся пресмыкающиеся... — невесело отшутилась она.

Мысленно она возвращалась к инциденту в воде, с ужасом представляя непоправимое.

— Я понимаю, сегодня ты спасла мне жизнь, но лучше бы мне утонуть...

— Почему так? — изумилась Тина.

— Потому что ты меня не любишь!

Тина взяла жениха под руку и повела на набережную. Он упрямился, усевшись на лавочку, заявил, что в отель не вернётся. Напомнив, что пора собирать вещи к утреннему самолёту, она ушла с тяжёлым сердцем. Вскоре явился и Шимон, сообщив, что расплатился за проживание, демонстративно удалился на балкон, закуривая сигареты одну за другой. Упаковав свою дорожную сумку, от нечего делать Тина включила телевизор.

— Сейчас я выброшусь с балкона! Я не хочу больше жить — ты меня не любишь! — выкрикнул Шимон.

Она совсем растерялась, и тут в телеэкране заметила отражение Шимона. После каждой своей фразы, по-жирафьи, вытянув шею, он воровато наблюдал за реакцией Тины. Похоже, жених начал психологическую игру, обязывающую невесту принять его правила. Выручил внезапный ливень. Выскочив на балкон, Тина взяла за руки Шимона.

— Скорее в комнату — намокнешь! Всё хорошо: я люблю тебя!

Этого он только и ждал.

В аэропорту он всё извинялся за инцидент в отеле, оправдываясь последствием былой травмы, перед дождём ему всегда плохо. Виновато заглядывая Тине в глаза, он всё вопрошал: «Yes, forever?»

Смущаясь, как девчонка, она краснела и отвечала: «Да, навсегда!»

В кошелёк невесты Шимон по-хозяйски положил тысячу долларов «на мелкие расходы».

— Поверь, я буду тебе не просто мужем, я буду ангелом — хранителем! И ты даже не представляешь, какая жизнь тебя ожидает!

В самолёте хотелось подремать, но, закрыв глаза, Тине виделся прихрамывающий Шимон,

растерянно бегущий навстречу. «Трогательный, трогательный человек!» умилилась она.

Израиль никогда не был страной её мечтаний — не любила жару, пугали военные конфликты. Из знакомых на земле обетованной успела побывать приятельница вездесущая Майя, упорно скрывающая свои еврейские корни. В перестроечные времена она летала «на разведку» на историческую Родину под предлогом провести онкологическую подругу, задержалась на полгода. Вернувшись, она никому не рассказала, как в капиталистической стране доживала последние дни бывший преподаватель советского университета Алла Матвеевна. За умирающей дочерью ухаживали престарелые родители. Жили в маленькой съёмной квартире, экономили на всём. В конце пятницы перед шабатом на рынке покупали уценённые подвявшие овощи. Дома варили картошку, запивали жидким чаем. Мыли посуду и умывались в тазиках, использованную воду сливали в вёдра и ставили возле унитаза. К этой семье и прибилась Майя, взявшаяся подрабатывать на уборке вилл богатых израильтян.

Приспособленка Майя умела всегда со всего получить выгоду. Просидев двадцать лет в научно — исследовательском угольном институте, неизвестно как, она добилась зачисления подземного стажера, надеясь в будущем на льготную

пенсию наравне с забойщиками и проходчиками. Замужем Майя побывала много раз, с последним мужем свели общие друзья. Поговорив с Юликом по телефону, она взяла чистое постельное бельё и поехала к нему домой знакомиться. При ладной фигурке Майю можно было назвать привлекательной, если бы не выступающие челюсти с крупными жёлтыми зубами, напоминающие экспонат неандертальца в краеведческом музее. Впрочем, самоуверенная Майя считала себя обладательницей голливудской улыбки, которой навязчиво одаривала окружающих.

Циничный шутник и матершинник Юлик возил кого-то из начальства. Синюшной одутловатостью и рыбьими глазами он смахивал на запойного водяного. Моложе Майи на семь лет он имел двухкомнатную квартиру в престижном районе города. Выгодного холостяка Майя быстренько окрутила, на себе женила и отправила под свой каблук. Под давлением новоявленной жены Юлик отказался от родного сына, через суд лишил права на жильё. Квартиру продали и купили новую на имя Майи, Юлика прописали в шахтном общежитии.

Единственную дочь Лину — юную блондинку, похожую на куклу Барби, Майя «поступила» в медицинский институт через

любвеобильного профессора, сначала переспав с ним сама, потом сблизив абитуриентку. И замуж Лина вышла согласно маминому сценарию. В министерский пансионат на берегу Чёрного моря регулярно приезжал погулять сын крупного чиновника. Майя отправила дочку на отдых в нужное время с правильной установкой. Всё сбылось, согласно плану интриганок. Невзрачный Олег с круглой, как тыква, головой, мышинными глазками и чебурашкиными ушами, просто обалдел от внимания белокурой длинноногой студентки мединститута. Родители его выбор не одобрили, хорошо зная будущую сваху, но переубедить сына не удалось — свадьбу сыграли пышную. Красивая Лина родила, один за другим, двоих детей, некрасивый Олег загулял. Вместо скандалов, мудрые мать и дочь умело вымогали компенсации у состоятельной родни.

Знавшая всё обо всех Майя свои тайны никому не доверяла. Случайные вести о ней казались анекдотичны. Могла выпросить у сотрудницы дорогое платье, объяснив необходимостью показать фасон портнихе. Через время в этом платье Майю видели на свадебных фотографиях дочери. Будучи невероятно скупой, она питалась впроголодь, сэкономила даже на мелочах. На обед сотрудников «вскладчину» Майя традиционно приносила отварной картофель и

свеклу, ссылаясь на язву желудка. Тут же забыв об объявленных болячках, она уплетала не диетическую снедь на общем столе. Имея особый нюх на застолья и талант незваного гостя, она без зазрения совести являлась на чужие семейные торжества и отъедалась на халяву.

В мутные перестроечные времена растерявшиеся итээры, мэнээсы, кандидаты и доктора наук пытались выжить, а может, наконец, разбогатеть. Все ринулись в кооператоры и предприниматели. Требовался стартовый капитал. Неожиданно для всех Майя оказалась состоятельным кредитором, предлагала займы крупные валютные суммы под свои двадцать процентов в месяц. Ростовщиком она была безжалостным, обнажив в коварной улыбке жёлтые зубы до бледных дёсен, насчитывала проценты и на долг прошлого месяца.

Для разговора об Израиле Тина пригласила Майю в итальянское кафе, веря в женскую солидарность и доброжелательность приятельницы. А Майя в предстоящем замужестве Тины видела лишь интригу. А ось, у Тинки всё получится? И тогда Майя полетит на землю обетованную погостить в доме богатого мужа хлебосольной подруги. А там..., чем чёрт не шутит? Внимательно рассматривая фотографии Шимона, Майя обратила

внимание на огромные апартаменты, породистую собаку.

— Коренной израильтянин? Сразу видно: из богатых! Подсуетись, подруга, шанс не упусти! И, вообще, скажу я тебе: Израиль — рай на земле!

— Почему в «рай на земле» не стремишься ты, имея на то все права? — заметила Тина.

— С чего ты взяла? Еврейскими кровями родители меня не одарили! — как всегда, отказалась Майя.

Позже она вместе с Юликом эмигрировала в Германию, рассчитывая прожить на пособие. «Рай на земле» её не устраивал — там надо работать.

Сомнения не оставляли Тину. Какой Шимон настоящий, что ждать от семейной жизни с ним? Как понять и не ошибиться? Она давно уже не наивная девочка, мечтающая о любви. Шимон внушал доверие, не раздражал, что-то в нём трогало и делало невозможным обидеть. Казалось, он похож на её отца, который тоже намного старше мамы, тоже невысокого роста, и родился в тот же день января, что и Шимон. Добрый, заботливый, радушный Егор до старости лет жену называл: «Алёнушка», «ангел», «голубка моя». Любовь к ней и дочке он выражал словами душевной старины: «жалкие», «незабвенные», а редкое недовольство беззлобным: «кукла безмозговая». А Тине так

хотелось поверить в счастливую беззаботную жизнь!

Чувствуя колебания невесты, Шимон звонил утром и вечером. Она приветствовала жениха его родным «шалом», и он радовался, как ребёнок. Как-то в трубке на ломаном русском языке заговорил чужой голос: «Привет, Тина! Я — Вагнер, не композитор!»

«Не композитор Вагнер», а проще Хаим, на правах друга Шимона тревожно вопрошал: «Ты не просишь деньги у жениха — как это понимать? Не доверяешь? Несерьёзно относишься? А, может, всему виной языковой барьер?»

В одном из бесконечных телефонных разговоров Шимон признался: «Ты просто обязана ко мне приехать, ведь о моей предстоящей женитьбе на русской знает весь мой город!»

— Причём здесь город? — недоумевала Тина.

Боязнь совершить жизненную ошибку её не оставляла. Не давали покоя нерадостные мысли, пугала разлука с сыном. Муж Вадим погиб шесть лет назад, оставив Тину тридцати трёх лет вдовой, Марка в трудном подростковом возрасте без отцовского плеча и твёрдого слова. А в стране девяностые, бандитам — лихие, народу — прискорбные. Сыну едва исполнилось восемнадцать, собрался жениться на однокласснице, уже беременная. На Тину всё также

засматриваются мужчины, иногда вслед бросят: «И есть же счастливчик, который с ней спит....» А с кем спать-то? Вокруг крепко попивающие холостяки или трезвенники при жёнах.... Она невольно стала просыпаться в пять утра — оказалось, в это время обычно встаёт Шимон. «Не просто телепатия — родство душ!» решила она. После долгой бюрократической волокиты она получила гостевую визу в Израиль.

Предстояло определить любимцев — пекинесов, которых Тина из месячных щенков вырастила до пятилетнего возраста. Беда в том, что их предстояло разлучить. Серебристая сучка Сана улетала с хозяйкой в Израиль, а рыжий кобелёк Султан оставался у родственников. С радостью Тина забрала бы обеих собачек. И Шимон не возражал: площадь его дома и сада, как он уверял, позволяла. Но в его доме хозяйничал пёс мужского пола ризеншнауцер Рокки. А задиристый Султан соперника не потерпит. Однажды он отважно бросился на дога, фривольно понюхавшего Сану. Наглость маленькой шавки возмутила огромного пса. Забыв о своей гордой родословной, он захватил пекинеса в пасть. Спасла Султана буйная шерсть и истеричный визг его хозяйки — дог закашлялся и брезгливо выплюнул наглеца. Тина в слезах принесла своего драчуна домой, как ей казалось,

умирать. А «рыжик» отлежался несколько дней и пришёл в себя к неопишуемой радости всей родни.

Заранее договорившись с родственниками, Тина пришла к ним с обеими собачками. Славный «рыжик» почувствовал предательство задолго. Отказываясь от взяток в виде угощения и игрушек, он бдительно караулил каждое движение своей хозяйки. Уходя, Тина взяла на руки только Сану. Султан рвался следом, лаял, скулил и царапал дверь. В новом доме его любили и заботились. Но он редко отходил от двери, всё прислушивался в надежде услышать спешащие к нему родные шаги. Через четыре месяца измученное тоскливым ожиданием собачье сердечко остановилось. Тина узнала об этом не сразу — печальную весть от неё дружно скрывали.

Декабрьским вечером на вокзале Тину провожали только самые близкие: сын с будущей женой Настей и подруга Марьяна. Марк был суровее обычного, Настя помалкивала, Марьяна безуспешно шутила. Сославшись на холод, от шампанского все отказались — отъезд Тины в новую жизнь не «обмыли». Прощаясь, она расплакалась, и долго вытирала горькие слёзы в поезде, не замечая удивлённые взгляды попутчиков. Уже утихли соседи по купе, отчаянно храпел мужик на верхней полке, уютно посапывала Сана, тёплым комочком прижавшись к

растревоженной хозяйке. Тина забыться не могла. Как же хотелось ей защитить, одарить жалких любимых — сына и его будущего ребёнка! В вечных мечтах о счастье рисовался бескрайний зелёный луг и табун резвящихся под солнцем шелкогривых лошадей — идеальная картина вольницы, радости, невозможности одиночества, всего, что желается родным людям! Под утро Тина забылась, казалось, только закрыла глаза, а уже настойчиво потрясли за плечо.

К счастью, Сана избежала испытания багажным отделением самолёта, её разрешили взять в салон. Усевшись в кресло, Тина обменялась дежурными фразами с соседями. Впереди расположились Целя Львовна и её немолодой сын Эдуард, которые настойчиво тянули руки к растревоженной Сане. Из кармана кресельного чехла Тина достала толстый журнал. Среди рекламной макулатуры, обнаружив детальную карту СНГ, она разыскала село, в котором остался любимый дачный домик. После ужина стюардессы собирали грязную посуду. Напряжённый разговор впереди заставил Тину поднять голову. Стюардессы стояли возле Цели Львовны, тихо, но настойчиво, требовали вернуть столовые приборы. В ответ женщина громко возмущалась, отрицая наличие у неё казённой посуды. Сын угрюмо отмалчивался, одаривая мать косыми взглядами. Минут через

десять препинаний Целя Львовна нервно открыла свою сумку, со дна достала металлические ложки, вилки, ножи и обиженно швырнула стюардессе. Работники ушли, молча, мать и сын ещё долго обменивались злым шипением.

— Посмотрите, до чего красивые руки, длинные пальцы у женщины! Ногти, скорей всего, накладные! — слышались интригующие реплики позади.

Тина машинально оглянулась и с удивлением поняла, что говорят об её руке, свободно лежащей на спинке кресла. Незнакомки приветливо закивали.

— Вы — пианистка?

— Нет, я — всего лишь экономист. Правда, в детстве мечтала о скрипке, но не сбылось. А ногти у меня настоящие! — смутилась Тина.

Нервно заёрзав, пассажирка в соседнем ряду бросила: «Ничего, этой «пианистке» Израиль ноготки быстро обломает!»

Задолго прибыв в аэропорт, не доверяя электронному табло прибытия самолётов, Шимон в панике бегал к киоску справки. Что, если русской невесте, всего, лишь нужно попасть в Израиль, и она тотчас скроется?

Непривычно душным декабрём встретила Тину святая земля. Неожиданно быстро она прошла пограничный и таможенный контроль. Толкая

впереди себя тележку, загруженную чемоданом, дорожной сумкой и контейнером с собачкой, она вышла в зал встречающих. В этом раз ликующий жених и растерянная с припухшими глазами невеста сразу узнали друг друга. Настроение Тины Шимону не понравилось. Не рада встрече? Она смущённо оправдывалась усталостью, обмолвившись о неприятном инциденте в самолёте.

— Не обеднеют! В моём доме вся посуда для обихода из авиарейсов. Набрался, работая в авиакомпании, и когда пассажиром летаю, случай не упускаю! — с детской непосредственностью объявил Шимон.

Тина оговорила о странном пророчестве для её ногтей.

— Ну, тебе же не придётся идти на грязную работу для русских! — успокоил жених.

— Как это: «грязная работа для русских»? — совсем потерялась Тина.

— Поживёшь в стране — увидишь: метут улицы, моют подъезды и дома коренных израильтян эмигранты, приехавшие из СССР! — насмешливо произнёс он.

— Так ведь они — евреи, причём здесь русские? — добивалась ясности Тина.

— Да, какие они евреи? Евреи те, кто здесь родился! Вот я — еврей, у меня даже в паспорте

написано: «палестинец»! — высокомерно заявил Шимон.

— Ты сам рассказывал: твои родители тоже не аборигены — из Польши переехали перед войной!

Показав рукой куда-то в космос, Шимон изрёк загадочное: «Э-э-э!»

Поднявшись лифтом на третий этаж автостоянки, он, по-хозяйски, распахнул дверку презентабельного «Chrysler» цвета «шампань».

.... В мечтах рядом с собой Шимон всегда видел пышногрудую славянку, но с лёгкостью увлекался любой подвернувшейся пассией. Покорял он женщин крепким телосложением, наглостью светлых глаз, пушком рыжих волос на бронзовой коже. От природы неглупый, хитрый и проницательный, он всегда стремился быть на виду, в молодости служил стюардом в международной авиакомпании. Он рано женился на хорошенькой, как античная богиня, соотечественнице Юдит, родили двух прекрасных сыновей. Семью вниманием и заботой Шимон не баловал, жил в своё удовольствие, изменяя жене с международным размахом. Юдит подозревала, что муж ей не верен, о многом даже не догадывалась. В бесконечных ссорах прошли двадцать лет совместной жизни.

Всегда на стороне матери старший Нир отца ненавидел открыто, младший Офир, похитрей, помалкивал и прятал глаза. Повзрослев, они с

готовностью покинули родительское гнездо, отслужили в армии. Нир оказался натурой творческой, писал музыку и стихи. Чувства, бродившие годы жизни в отчем доме, эмоциональной волной вылились в душевную песню, ставшую хитом. Получив известность, Нир продолжал сочинять, но шедевры не удавались. Бесталанный Офир работать не желал, старался ладить с отцом, постоянно выуживая деньги. Двадцать лет назад Фокштэйнам от одинокого родственника свалилась манна небесная — земля, недвижимость, деньги. Капитал возглавил отец семейства Томэр, обеспечив бизнесом троих взрослых детей. Богатство Фокштэйны ценили, образованностью не обременялись.

За рулём новенького спортивного автомобиля Шимон спешил на свидание к очередной женщине. Понимая, что бессовестно опаздывает, он тревожно посматривал на часы. Заход солнца косыми лучами брызнул в глаза, на мгновенье ослепил — на огромной скорости Шимон врезался в бетонный столб. Больше всего пострадала голова, глубоко в виске застряло боковое зеркало автомобиля. Уверая, что пациент обречён, врачи спрашивали согласие родственников на донорство его органов. С потерей сына родители смириться не могли — за спасение боролись, подключив все человеческие и финансовые возможности. В коме Шимон пребывал

одиннадцать дней, перенёс трепанацию черепа, не одну сложную операцию. И выжил, встал на ноги, хотя координация движения осталась слегка нарушенной. По-прежнему, он мог водить машину, но теперь со значком инвалида. Сигнальный треугольник ущерба он ненавидел, при первой возможности брезгливо забрасывал под водительское сидение. От давнего увлечения пилотированием спортивного самолёта ему пришлось отказаться навсегда.

Когда умер отец, кланом Фокштэйнов взялась управлять мать, из общего денежного «пирога» большой «кусочек» отдавала Шимону, старшему из детей и ущербному по здоровью. Он с удовольствием этим пользовался, имел роскошное жильё, машины, путешествия по миру. И, конечно же, женщины, женщины, женщины!

Не поверив, что муж выкарабкается после травм, Юдит закрутила роман с другом Нира. Вспомнив старые обиды, при поддержке сыновей она взяла развод с Шимоном, отсудив у него одну из квартир и пожизненное пособие. Периодически бывшие супруги сходились вновь, но совместную жизнь выдерживали не более недели. Обменявшись всё теми же оскорблениями, они с удовольствием разбежались.

.... Из окна автомобиля Тина с жадностью смотрела на ночной Израиль. Отутюженная

широченная автострада пестрела дорожными знаками и рекламными щитами на незнакомом иврите и узнаваемом английском. Повсюду песок и бетон, изредка — высоченные пальмы, неправдоподобно огромные кактусы и ярко цветущие кустарники. Сорок минут пути в небольшой элитный город пролетели незаметно. Въезд во двор семейного особняка Фокштэйнов перекрывал шлагбаум. Шимон манерно достал из «бардачка» автомобиля пульт дистанционного управления, нажал кнопку — и дорога свободна. Оставив машину на площадке под бетонным козырьком рядом с тремя презентабельными автомобилями, они вошли в просторный холл особняка с высоким цоколем, поднялись на первый этаж. Массивная дверь ввела в просторные апартаменты. У порога встречал стройный ризеншнауцер масти «перец с солью» по кличке Рокки. Из-под включенной чёлки умные собачьи глаза тревожно спрашивали: «Кто ты, очередная случайная знакомая Шимона или моя будущая хозяйка?»

Настороженно обнюхав гостью и испуганно сжавшегося пекинеса, Рокки сдержанно вильнул обрубком хвоста, сохраняя достоинство хозяина дома.

Утром Тина вышла в огромную гостиную. Выдвижные стекло и металлическая решётка

открыли выход на просторный балкон с гранитным полом. Под огромным тентом пластиковый стол и кресла. В углу мангал для барбекю, по периметру горшки с засохшей зеленью. Ступеньки балкона спускали в палисадник с увядшими розами на давно нестриженем газоне. Вдоль высокой металлической ограды деревья лимонное, маслинное, пальмовое, гранатовое.

Верхний этаж апартаментов занимала огромная гостиная, обставленная итальянской мебелью светлого дерева в деревенском стиле. Напротив огромного телевизора «Грюндик» на персидском ковре хозяйское кожаное кресло с подлокотниками и подставками. К нему прижалось скромное кресло, закрытое чехлом из простой ткани — для Рокки. В левом крыле этажа кабинет Шимона, который он называл «мой офис». Две спальни, при каждой комнаты туалетные, ванная и джакузи. Обустроенная пластиковой мебелью кухня, напичканная современной техникой, радовала простором и светом. К ней примыкала подсобка с рабочим балконом, приспособленным под стирку и сушку белья. Витая деревянная лестница у дальней стены салона вела на нижний цокольный этаж. Его занимал младший сын с беременной женой. Для Тины это явилось новостью, ведь жених утверждал, что живёт один.

Особняк Фокштэйнов состоял из четырёх двухуровневых апартаментов, общих кладовых и мастерских. В первую очередь Шимон повёл Тину знакомиться с мамой, владения которой находились на этом же этаже напротив. Образец «идиш-мамы» Бэба без стеснения вмешивалась во все, без исключения, дела членов семейства. Сверля буравчиками выцветших глаз, указывая исковерканными подагрой пальцами, хозяйка бизнеса руководила и вертела каждым из Фокштэйнов. От неё зависели, ей подчинялись, старались угодить, и она с удовольствием дёргала за ниточки своих марионеток.

На встречу с будущей свекровью Тина шла с открытым сердцем, мечтая обрести родного человека, но чопорная старушка встретила подчёркнуто прохладно. Предложив напитки и орешки, хозяйка с гордостью рассказала о Фокштэйнах. Тина внимательно слушала, рассматривая фотографии в семейных альбомах и рамках на стенах. Бэба и Томэр поженились на своей Родине в Польше, затем переехали в Палестину. Здесь родились сыновья Шимон и Рон, в их паспортах по сей день значится «палестинец». Дочь Далья — гражданка уже образованного Израиля и её муж Ниссо родом из Марокко имели троих взрослых детей, занимали апартаменты на втором этаже. Напротив них — апартаменты брата

Рона сдавались квартирантам. Хозяин постоянно проживал с женой и двумя сыновьями в Штатах.

Будто на вступительных экзаменах, Тине пришлось отвечать на вопросы собравшейся родни. Расспрашивая о русской зиме, Шимон изумлялся, как ребёнок, присвистывал и махал руками, будто уже обморозился.

— Говорят, вместо кофе, русские день начинают со стакана водки... съехидничал Ниссо.

— Неправда... — обиделась за своих Тина.

Фокштэйнам хотелось слышать, насколько плохо в бывшем Союзе и замечательно в их стране. Но Тина говорила, что Израиль подивил непривычной растительностью, не по сезону тёплой погодой, свою страну хаять не стала, перед чужой не расшаркалась. Демонстративно отвернувшись, недовольные Фокштэйны высокомерно усмехались и переговаривались на своём языке. Непонятный иврит, непривычный английский Тину напрягали, и скорее бы закончился этот тягостный «party».

Семейный коллаж фотографий и рисунков в рамке на стене шуточно характеризовал каждого из Фокштэйнов. Шимона метко изобразили в окружении перевернутого стула, разбросанных инструментов, вывернутой корзины мусора. В его апартаментах о хорошем вкусе хозяина говорили модные картины, изящные светильники, оригинальные статуэтки, французская сантехника,

белоснежный кафель с лёгким вкраплением чёрных стразов. Но запущенность, грязь, беспорядок его жилья соответствовали популярному в стране слову «балаган». Стены, двери, выключатели, холодильник покрыли жирные отпечатки рук. Картины и светильники запутались в густой паутине, мусор и остатки еды в самых неожиданных местах. Захламленный «офис» напоминал чулан, где Шимон с трудом протискивался к сейфу и компьютеру. В креслах гостиной неожиданно автомобильная камера и надувной гусь — как оказалось, барьеры от вездесущего Рокки. Обивка мягкой мебели откровенно грязная и оборванная. В спальне на итальянском матрасе мутные пятна непонятного происхождения, изысканное французское постельное бельё в дырах от сигарет. Не знавшие химической чистки ковры изменили нежно-бежевый цвет на траурно-коричневый. Колонии пылевых клещей бдительно охраняли свою территорию, безжалостно наказывая пришельцев. Сконфуженные «оккупанты» начинали неприлично дёргаться и чесываться. Прежде всего, Тину обеспокоило поведение её собачки. Скрыв истинную причину, Шимон всё списал на специфику местного климата. Антисанитарные следы жизнедеятельности крыс вокруг канализационных труб и в шкафах кухни он

предпочитал вовсе не замечать. Когда Шимон был дома, хитрый Рокки покорно обходил спальню. Как только он хлопал дверь, пёс мчался в запретную комнату, радостно заваливался на кровати. Вдоволь накувыркавшись, сграбастав под себя покрывала, он сладко засыпал. Заслышав хозяйскую машину, Рокки мгновенно исчезал, оставляя перевёрнутую постель в колючей, как иголки, шерсти.

В гардеробной комнате по обе стороны в два яруса на тремпелях и вразброс плотно мужская одежда, обувь, галстуки, ремни. Для небольшого багажа невесты места не нашлось.

— Свободно только на потолке... грустно обронила Тина.

К удивлению, её слова Шимон принял, как команду к действию. Взобравшись на складную лестницу, он принялся деловито сверлить в потолке отверстия под крючки, без малейшего внимания на строительную пыль, густо покрывающую его самого и весь гардероб. С трудом Тина убедила жениха отключить электродрель и спуститься с лестницы. Поехали в магазин, купили десяток пластиковых передвижных ящичков, куда Тина сложила несезонную одежду Шимона, насчитав около четырёхсот сорочек и более сотни брюк, большая часть которых требовала утилизации.

Утром пришла домработница Эстер, убравшая раз в неделю у Фокштэйнов.

Сорокалетняя израильянка марокканского происхождения высокая и длинноногая, как арабский скакун, окинув хозяев хмурым взглядом, пробормотала «шалом» и приступила к работе. Управлялась она быстро и умело. Тина деликатно спросила об окнах, коричневых от грязи, в ответ домработница нетерпеливо показала на часы. За пять часов, оплачиваемых Шимоном, моторная Эстер едва успевала вымыть полы на двух этажах, навести порядок в кухне и выгладить бельё. Тратиться на генеральную уборку хозяин не считал нужным.

Ежедневно Шимон устраивал прогулки по городу с попутными смотрами русской невесты знакомыми и малознакомыми людьми в офисах, магазинах, на улице. Как-то заехали к Ури, специалисту по компьютерам в скромный загородный дом. Похоже, хозяева никого не ждали, с незваными гостями неохотно пообщались за чашкой кофе. Побывали у экономического эксперта по бизнесу, его офис занимал пол-этажа Тель-авивского небоскрёба. После томительного ожидания в коридоре вышла супружеская пара экспертов. Необъятных размеров типичные жертвы гамбургеров смотрели на русскую невесту Шимона, как на обезьянку в зоопарке. Тина замолвила о работе по специальности, показала университетский диплом. Напомнив об

обязательном владении иврита и израильском подтверждении образования, эксперты равнодушно распрощались.

В один из вечеров поехали в гости к школьному товарищу Шимона. Интеллигентные Цвика и Мишель жили в долгом счастливом браке, имели взрослых детей. Они радушно приняли гостей в богатой квартире элитного района Тель-Авива. Мишель оговорила, что у них принято общаться семьями, поэтому общие знакомые из своего круга Шимона исключили, сбившись со счёта его женщин. По дороге домой Шимон злопыхал — Цвика, хоть и его ровесник, выглядит стариком, Мишель — подлая сплетница, а их квартира — музей, слишком чистый, потому не пригодный для жилья.

Перед началом нового квартала Шимон взялся собирать оплату за аренду домов Фокштэйнов. Припарковавшись у частной клиники в центре города, он театрально шутил с врачами, их помощницами, попутно знакомил с русской невестой. Сложив пачки денег в кейс, небрежно забросил в багажник автомобиля, дома оставил на полу у входной двери. Несколько дней подряд шли съёмщики квартир, деньги складывались в кейс, там же лежащий. Тину это удивляло, ведь, расплачиваясь за чай или кофе в публичных местах,

Шимон прятал кошелёк под стол и оттуда пугливо доставал мелкие денежные купюры.

Хождения и поездки по незнакомым людям Тине надоели, появилось чувство «слона на верёвочке». Показуха её смущала, утомляла и раздражала, ведь она всегда считала, что союз между мужчиной и женщиной дело только двоих.

Преддверье Нового Года замечалось только по праздничной программе российских телеканалов, радостно Тиной обнаруженных. делать главную работу: с обеих этажей заложить грязное в стирку, переглядеть высушенное Шимон объяснил, что в его стране новый год «Рош ха шана» в сентябре, европейская дата не признаётся, но ради русской невесты они немного отметят. В винном шкафу среди сотни бутылок с разными наклейками выбрать напиток не удалось. Давно откупоренные виски, шнапс, водка потеряли крепость, вино превратилось в уксус, ликер покрылся плесенью, похожей на серых лягушек. Выручило «Советское» шампанское, привезенное невестой. Спешно проглотив пенящийся напиток, Шимон откашлялся, зевнул и пошлёпал спать. Уставившись в телеэкран, Тина едва сдерживала слёзы.

Ко дню рождения жениха Тина испекла свой фирменный торт «Катюша». Ужинать поехали в итальянский ресторан. Шимон надел приличный костюм, тщательно подобранную по цвету сорочку

и галстук. Старший Нир приехал при подружке, танцовщице «фламенко», с которой совместно проживал, собираясь узаконить отношения. Несмотря на свои хорошо за тридцать, он упорно не расставался с романтическим образом юноши, красился в «блонд» и завивал волосы. В ресторан он явился в образе индуса-альбиноса в белой просторной одежде с юбкой, босиком. Его миловидная смуглая подружка Дана родом из Йемена маленькая и юркая, как мышка — вся в чёрном. От предыдущего бойфренда она нахваталась русских слов, и теперь неуместно ими козыряла. Блондин певец, кокетливо подбивающий рукой свои длинные волосы, и смуглянка танцовщица общались шумно и игриво, сознательно привлекая внимание публики, называли друг друга милым словом «мотэк», означавшем на иврите какое-то приторно сладкое кушанье. Офир — спартанской внешности, налысо бритый, в спортивном костюме и кроссовках. Его беременная жена Рунит — рослая марокканка с крупными чертами лица, желтой пористой кожей, хриплым голосом, в цветастом платье с воланами смахивала на зрелую цыганку. Эта пара изображала степенное семейство. Покуривая, молодые женщины бесцеремонно рассматривали русскую претендентку на их «маму» в скромном свитерке и юбке.

Каждый из компании долго изучал меню, нудно расспрашивал официанта о способе приготовления блюд, цене, весе, скрупулёзно сравнивая выгодность заказа. Присев на корточках возле стола, угодливо заглядывая в глаза, русскоговорящий официант терпеливо выслушивал, с улыбкой отвечал на вопросы. Тина любила рыбу, опасаясь, что не сможет правильно воспользоваться столовыми приборами, попросила говядину. Выпили красного вина, поели, вяло пообщались, и разъехалось по домам.

Вечерами Офир поднимался со своего этажа, готовил ужин, на подносе относил беременной жене. На верхнем этаже Рунит появлялась редко, сделав кофе с молоком, шла в гостиную. Усевшись на диван, она демонстративно клала ноги на журнальный стол и манерно отхлёбывала кофе. Оставив грязную чашку на столе, она удалялась, гордо несла округлившийся живот, что хрустальное яйцо на блюде. Крепкие, как баскетбольные мячи, ягодицы прыгали, опережая одна другую, будто не сёстры — близнецы, а соперницы в вечные споре, кто соблазнительней.

Фокштэйны Рунит дружно недолго любили, за глаза ехидно называли «принцесса».

— Что в ней Офир нашёл? Наверное, Рунит умеет ублажить в постели! Э-э-э! — рассуждал Шимон.

Вскоре в семье Рунит случилось несчастье: умер отец. По еврейской традиции в один из девяти дней после похорон Фокштэйны поехали в дом усопшего. В мрачном одноэтажном бараке без цоколя и порога асфальтовое покрытие улицы сразу переходило в низкое помещение, похожее на бомбоубежище. Из мебели единственный стул, на котором восседала толстая с необъятными бёдрами мать семейства, похожая на старую негритянку. Вокруг неё в четырёх инвалидских колясках сыновья возраста от двадцати до сорока лет. Все, как один, поражены церебральным параличом. Зрелище не для слабонервных. Пугающее извивание туловищ, беспомощное раскачивание голов, пенящаяся слюна на синих косоротых губах одновременно у четверых мужчин в тесном помещении! Тут же в позе самолюбования их цветущие сёстры, слишком уверенные в себе.

По пути домой Шимон рассказал историю семьи снохи. Воспылав страстью друг к другу, двоюродные брат и сестра соединились в браке. Результатом смешения родственной крови стали четыре сына — калеки и четыре дочери — красавицы. Высветилась причина язвительного прозвища «прынцесса» и оправданные тревоги семьи — больные гены здорового тела Рунит могли выдать неполноценного наследника семейства Фокштэйнов.

По утрам Шимон и Тина кофе пили на балконе. На своей территории появлялась в ночной рубашке вечно недовольная Бэба. Пожелав друг другу «доброе утро», они перебрасывались дежурными фразами. За оградой палисадника покато спускался широкий стриженный газон, кое-где лежали огромные камни, на которых лениво грелись под утренним солнцем большие ящерицы. Рядом бесстрашно ходили похожие на утят удоды, по веткам декоративных кустарников прыгали разноцветные попугайчики и малюсенькие носатенькие киви. Какая-то диковинная птичка, спрятавшись в листве, истерично звала: «кирилл-кирилл-кирилл!», другая успокаивала: «тих-тих-тихо!». За газоном асфальтовая дорога и длинный серый забор.

— А, что там за оградой? — поддерживая разговор с матерью, спросила Тина.

— Кладбище! Мы живём лицом к своему будущему! — мстительно объявила Бэба.

Заметив испуг в глазах невесты, Шимон хихикнул: «А что такого? Покойники — самые спокойные соседи!»

Через месяц он неожиданно объявил: «Пора оформлять брак!»

«Наверное, я прошла «face» контроль и собрала необходимое количество голосов израильтян!» мысленно посмеялась над собой Тина.

— Но сначала поедем к адвокату, мы обязаны подписать брачный контракт! Это надо не мне — так требует паспортный стол! Иначе, наш брак не будет действителен! — добавил Шимон.

Адвокатом оказалась бывшая ростовчанка Надежда Камская — невзрачная женщина лет пятидесяти с сухими, похожими на перекрученные фиолетовые нитки, губами. Окотив русскую невесту недобрый взглядом, без вступительных слов она шлёпнула на стол договор на иврите и русском языке, и потребовала подписать, отбивая узловатыми пальцами нервную дробь по столу. Жених суетился, хихикал, рассказывал неуместные анекдоты, периодически напоминая, что брачный контракт — прихоть паспортного стола. Почувствовав, что втягивается в игру, где только она не знает правил, Тина растерялась. Под недоброжелательным взглядом Надежды она слепо бегала глазами по пунктам контракта, но смысл родных русских слов не понимала. Не готовая к супружеским отношениям по бюрократическим параграфам, она сомневалась, удобно ли задавать вопросы, вправе ли что-то менять. И не дай Бог, её неоправданно заподозрят в каком-то расчете! Ясно одно: документ заранее оговорен и составлен с целью подстраховки израильского жениха от посягательств на его сокровища русской невесты. О возможном разводе Тина даже не задумывалась,

ведь они пообещали друг другу: «вместе навсегда!». Она быстро поставила подпись везде, где указал нетерпеливый перст Надежды.

В паспортном столе «мисрат хопним» долго ожидали в очереди. Тина с интересом наблюдала за филиппинками, пребывающими в стране по рабочей визе. Опрятные и спортивные, их густые чёрные волосы с бриллиновым отливом могли вызвать зависть самой самоуверенной женщины. Впечатление портилось, как только филиппинки открывали рот, раздавались писклявые голоса, какими обычно дразнятся дети, непрерывный поток слов напоминал надоедливое кудахтанье.

Втиснувшись в стену спиной, Шимон, будто китайский болванчик, прогибался, улыбался и заискивающе раскланивался перед работниками паспортного стола. Их представляли две светлокожие сотрудницы, небрежные в причёске и одежде. Третья — средних лет смуглянка с мужскими чертами лица и короткой стрижкой. Строгим костюмом и высокими каблуками она, очевидно, своё подчёркивала должностное старшинство. Их начальник — лет пятидесяти мужчина родом из Румынии в мятых брюках, безразмерной толстовке, незашнурованных кроссовках заседал в отдельной маленькой комнате. Время от времени, по-стариковски шаркая

подошвами, он выносил и забирал какие-то бумаги, лениво отдавал распоряжения.

— Это Моти — мой друг, имел неудачный опыт женитьбы на русской! — шепнул Шимон.

«Друг» равнодушно проходил мимо, не одаривая Шимона и его спутницу взглядом. Демонстративно обращаясь только к Шимону, старшая сотрудница отшвырнула за ненадобностью брачный контракт. Шлёпнув в Тинин паспорт визу на недельный выезд и возврат в страну, она брезгливо отвернулась. По законам Израиля брак еврея с иноверкой может быть заключен на территории другого государства, после этого будет официально признан, как факт гражданского союза.

По мнению Шимона самая подходящая страна для женитьбы — Кипр. Рядом с офисом адвоката Камской ютилось туристическое агентство, площадью не более купе поезда. Под стать — хозяйка агентства Марина комплекции десятилетнего ребёнка. Смуглая и курчавая она напоминала разбойницу из мультфильма «Снежная королева», благополучно достигшую предпенсионного возраста. Бывшая одесситка имиджа «своя в доску» с легкостью входила в доверие клиентов, под вывеской туризма занималась всем, на чём можно заработать. Посредничество по устройству на работу нелегалов, определение женщин на съёмное жильё к одиноким

мужчинам с оплатой сексом Мариной активно проворачивалось, но не афишировалось. Рядом с офисами юридическим и туристическим представительство по сдаче жилья в аренду. Там восседал бывший москвич по имени Лев, похожий на бегемота — большая голова на грузном сутулом туловище без намёка на шею и плечи, огромный живот, короткие толстые ноги. Собрание в одном месте этих трёх деятелей привлекало русскоговорящих клиентов, многие из которых становились жертвами обмана и откровенного «кидалова». В годы нахлынувшей «алии» одна квартира сдавалась нескольким семьям, за предварительную оплату люди посылались на несуществующую работу, подсовывались ложные и заведомо невыгодные контракты.

На время свадебного тура на Кипр Шимон пригласил людей для косметического ремонта апартаментов. Работа началась, мебель сдвигалась, беспорядок и грязь усиливались. Одновременно собирались вещи в дорогу. Небрежно оставленную Шимоном на столе в строительном мусоре видеокамеру Тина машинально переместила на чистую тумбочку. Почему-то, Шимона это задело.

— Ах, я — идиот, испортил видеокамеру! Раз так, её нужно выбросить! Немедленно, сейчас же! — вскочив, как ужаленный, закричал он.

Все попытки сдержать Шимона оказались напрасными. Хлопнув дверью, он побежал, хромя, через двор к мусорным бакам. Через полчаса он вернулся, потирая руки.

— Ты была недовольна? Окей, теперь у нас нет видеокамеры!

Не привыкшая разбрасываться ценными вещами Тина направилась к контейнерам, перевернула верхний слой мусора в трёх баках, но потерю не нашла. С грязными по локоть руками она вернулась в дом. На пороге встречал, как ни в чём не бывало, улыбающийся Шимон, протягивал оттопыренный кривой мизинец «мирись, мирись и больше не дерись!».

— Я с тобой не ссорилась и не дралась! Где камера — в мусорках её нет?

— Спрятал у себя в мастерской. А ты думала, я выбросил видеокамеру «Sony»? Запомни, я — не «сгазу»! — без тени смущения объявил Шимон.

Громко с подвыванием зевнув, он спокойно похрамал спать. Тина так и не уснула. Ранним утром они выехали в аэропорт, машину оставили на стоянке. На регистрации билетов были последними, места им достались в разных концах салона самолёта. Шимон завозмущался, закричал, что они — жених и невеста, их нельзя разлучать, должны быть вместе навсегда. Сдерживая кривую улыбку, стюардесса попросила пассажиров пересесть.

Смущённую Тину вернули жениху. Весь часовой рейс Шимон удивлялся подавленному настроению невесты, не выпуская её руку, заглядывал в глаза в ожидании проявления романтической влюблённости.

В аэропорту Кипра эмиграционная служба обратила внимание на отсутствие денег у гражданки некапиталистической страны — Тину отвели в сторону. Шимон засуетился, показал брачные туристические путёвки. Под гарантию израильского жениха подавленной русской невесте позволили посетить Кипр.

Возле здания кипрского аэропорта битых два часа брачующиеся растерянно ожидали представителя встречающей стороны. Наконец, явилась запыхавшаяся средних лет женщина, быстро пожала им руки и предложила напрямик ехать в мэрию.

— Что за суматоха, будто на пожар спешим! Дайте нам устроиться в гостинице, принять душ, переодеться, подготовиться к важному событию в нашей жизни! — удивилась Тина.

— У нас абсолютно нет времени, мы уже опаздываем! Поехали! — прикрикнула киприотка.

Шимон почему-то молчал, и Тина больше не спорила. В мэрии города Ларнака они ещё долго топтались в коридоре главного городского офиса, где стулья для посетителей не предусматривались. Тину уже не волновало, как она выглядит, во что

одета. Приготовленная для торжественного дня белая шифоновая блузка так и лежала в дорожной сумке. Мечталось об одном — скорее бы всё закончилось. Регистрацию брака спешно провёл заместитель мэра в присутствии сотрудницы, исполнившей роль свидетеля. На чисто греческом языке монотонно отговорился полагающийся текст. Брачующиеся не поняли ни единого слова, но покивали головой и в указанных местах послушно поставили подписи. Фотографироваться Тина отказалась, не настаивал и Шимон — ни единый снимок не запечатлел унылые лица уставших молодожёнов в походной одежде. В гостинице, не раздеваясь, Тина прилегла на «минуточку» и, будто провалилась. Проснувшись, она долго не могла понять, где и зачем находится, опомнившись, загрустила.

Кипр оказался уютным провинциальным краем с удивительно ласковой зимой. Молодожёны много гуляли по солнечной набережной и улицам города, заглядывая в витрины магазинов. Как-то зашли в маленькую кондитерскую. Шустрая официантка русоволосая женщина лет сорока, по-свойски, заулыбавшись Тине, заговорила на русском языке, назвалась Светланой. Она с готовностью рассказала, что третий год вместе с мужем работает на острове. Живётся им нелегко, тоскуют и тревожатся о детях, нездоровых

родителях, ждут — не дождутся возвращения домой в Пятигорск.

— Ой, а я и вся родня по маминой линии родом из соседнего Нальчика! — оживилась Тина.

— Надо же, землячка!

Светлана обрадовалась так, будто, наконец, обрела родную сестру, которую обыскалась. На Шимона она смотрела откровенно недобро.

— Знаешь что, Тина, оставайся на Кипре! Года два-три поработаешь, накопишь денег и вернёшься домой! — вдруг предложила она.

Неожиданный оборот разговора Тину озадачил.

— Я дам тебе свой здешний телефон и адрес! Выбери удобный момент, когда этот твой уйдёт куда-нибудь, забирай свои вещи и айда к нам! С жильём и работой я помогу! — настаивала Светлана.

— А, почему? Зачем? — не понимала Тина.

— Да история известная: мою подругу тоже угораздило выйти замуж за египтянина! Этот твой муж-неуж, хоть, на европейца похож, смотри-ка, даже глаза голубые! — кивнула на молодожёна Светлана.

Не понимая русскую речь, Шимон на всякий случай беспрерывно кивал и улыбался.

— А тот — чурка чуркой! Она, дура, из-за него со своим родным мужем развелась! Потом

оказалось, что египтянин уже при трёх женах! Сволочь, попользовался моей подругой — и «пошла вон»! Теперь она всем знакомым — незнакомым бабам внушает: «Запомните: лучше наших русских мужиков нет!» — выдала Светлана, мстительно взглянув на Шимона.

— У израильтян нет многожёнства... — неуверенно сказала Тина, теряясь в догадках, нечаянная знакомая рада случаю пообщаться или, действительно, озаботилась судьбой соотечественницы, случайно встретившейся на чужбине.

— Еврей ещё хуже — всё равно обдурит! Ищут они «Машку — Наташку», потому что русская для них жена на халяву! Жалко мне тебя, не пара вы совсем! Ты — баба фартовая, сразу видать: наша, из казачек! Зачем тебе этот чужой огрызок? Решайся, подруга! Если брак фиктивный, расчёт, сделка — дело другое! А так.... — не унималась Светлана.

— Брак настоящий, по крайней мере, с моей стороны! И потом, в Израиле осталась моя собачка — получается, завезла и бросила?

— Дело, конечно, хозяйское.... На Кипр въехать не так-то просто — пользуйся моментом! А животину твою придумаем, как забрать! — не отступала Светлана.

Не по себе стало Тине, будто случайная знакомая дёрнула ниточку глубоко затаившегося клубка сомнения. «Мнительная ты, Тинча!» вспомнились слова покойного Вадима. Выйдя из кафе, она выбросила салфетку с телефонными номерами нечаянной доброжелательницы.

Возле киоска искусственных цветов Тина задержалась, не в силах оторвать взгляд от стройных зелёных камышинок.

— Два доллара за штуку? Какой «сгазу» отдаст такие деньги за это барахло? — на всю улицу торговался Шимон.

— Пожалуйста, не кричи! Купи эти цветы в честь нашего бракосочетания, а нет — уйдём без скандала! — попросила Тина.

Он взял шесть камышинок.

— Надо пять или семь...

— Ты морочишь мне голову! — возмутился Шимон.

Держа в руках пять изящных камышинок с длинными усиками, Тина вспомнила где-то слышанное, что искусственные цветы счастья не приносят. «Мнительная ты, Тинча...»

После Кипра в первую же ночь Тине вдруг приснилась покойная мама, ясно увиделся растерянный взгляд и беспомощные слезы в родных глазах. Тина проснулась. Три часа ночи, яростный храп Шимона. Накинув халат, она ушла в гостиную,

посадила рядом на диван следом присеменившую сонную Саночку. Рокки спрыгнул со своего кресла и улёгся у Тининых ног.

Мама, мамочка, родненькая, ты моя! Как не утонуть в холодной бездне, оставшейся вместо тебя? Как спастись от безжалостной тоски по самым преданным в мире глазам твоим, заботливым рукам твоим? Как хотелось бы беречь тебя и никогда не огорчать.... Но не зачеркнуть в цепкой памяти обиды, которые успела тебе нанести. Ты всегда мечтала видеть мои глаза счастливыми, но улыбками, хорошим настроением я одаривала чужих, посторонних. Тебе же самой родной и близкой доставались огорчения, жалобы и слёзы по пустякам! Знаешь ли ты на том свете, что происходит в моей жизни? Ведаешь ли ты, что ждёт меня на чужбине? Где ты, которая не предаст, плохого не пожелает, добром всегда одарит?

У православных есть понятие: «наглая смерть» — эта самая злодейка забрала маму в новогоднюю ночь. Работники скорой помощи весело провожали старый год, отключив «на время» телефоны. Почувствовав острую боль в сердце, нехватку воздуха, головокружение, сухую горечь во рту, мама спрашивала: «Егор, где же скорая помощь.... Я умираю....»

В пору отсутствия мобильных и дефицита стационарных телефонов за несколько часов до

смерти в промозглое декабрьское утро мама добрела до телефона-автомата на соседней улице поздравить с наступающим Новым годом.

— Береги себя, дочечка! — просила мама.

Много лет Тина хранит в памяти неповторимые нотки самого родного голоса, боясь растерять в окружающем чужом многоголосье.

...Родом они с Северного Кавказа, где на реке Терек издревле обосновалось казачество. Рано осиротевшая тихая скромная семнадцатилетняя Глаша Максименко неожиданно для станичников, по-бабьи, повязалась платком и через девять месяцев родила сына. «Покрытку» замуж никто не взял, Коля рос в безотцовщине. Жила Глаша скромно, глаз ни на кого не поднимала, в сыне души не чаяла. Когда Коле исполнилось восемь лет, к «молодычке» повадился бегать по ночам соседский паренёк. Второй безотцовщины Глаша не захотела. Долго сидела в тазу с горячей водой, потом, визжа от боли, затолкала остроконечный лист столетника в греховные ворота минутного удовольствия и вечных бабьих мук. Плод не вышел, открылось кровотечение. Перед смертью Глаша успела шепнуть Коле, что его отец — добропорядочного соседа дяди Нугзара сын Лаврентий, утонувший в речке Дименюк до рождения мальчика. Вместе с тайной Коля мужественно принял своё полное сиротство.

Прибился он к многодетной семье дальней родственницы, где лишний рот в тягость. Но люди добрые — пацана пожалели, не прогнали. Так и вырос он в чернявого красивого парубка Николая Максименко.

Женился Николай на тихой и милой семнадцатилетней Паше Химинюк. Любо в ней ему было всё: лёгкий взмах руки, трогательный наклон головы, тихая картавая речь. Счастливые «молодята» поселилась в доме, построенном единственной дочери в приданое зажиточными родителями.

У молодых родилась дочь, назвали Еленой. А через полгода пришла беда. Простодушная и бесхитростная Паша поделилась с подружкой Клавой радостью: с мужем поедут на рынок купить корову и швейную машинку. В подтверждение она хвастливо подняла угол матраца — на деревянном настиле толстая пачка крупных купюр. В воскресенье утром деньги не нашлись....

Который день Паша будто замерла, лежала с закрытыми глазами. Молоко в кормящей груди высохло. Бедный Николай разрывался между больной женой и голодным младенцем. Выручила дальняя родственница Елена, став молочной матерью маленькой тёзке. По станице поползли слухи: «Пашке подроблено», бабский консилиум поставил диагноз: «столбняк». Испугавшись, Клава

принесла деньги, на коленях просила прощение у подруги. Но Паша молчала, только слёзы катились по бледным щекам. После больницы она домой не вернулась. Единственную дочь родители пережили не надолго. Никто не знал истинную причину смерти восемнадцатилетней Прасковьи. Не готовую к житейским невздам, Господь забрал в царствие небесное или бросил в гиену огненную, наказав за тяжкий грех уныния.

Николай вскоре женился на курносой с задорными ямочками на щеках Мане, благодарный, что согласилась пойти за вдовца с младенцем. Один за другим родились трое детей. Смуглая черноволосая с васильковыми глазами Лена лицом походила на отца, а ладной фигурой напоминала покойную мать. Открыто недолголюбивая падчерицу, Маня бессовестно взвалила на хрупкие детские плечи тяжёлую работу по дому. Лена нянчила младших детей, стирала, доила коров, выгоняла на выпас. Долго учиться ей не пришлось.

— Коровам хвосты крутить — хватит и четырёх классов! — решила Маня.

Напрасно Лена умоляла пустить её в пятый класс, мачеха была непреклонна. Николай не вмешивался, зная, что любой спор жене проиграет.

Пришла одна на всех беда — великая Отечественная война. Незванными квартирантами оккупанты расселились в станице. Хату Николая

заняли два офицера. Часами играли на губной гармошке, иногда отдавали детям остатки хлеба с немецким маслом, называя чудным словом «бутерброд».

Однажды, когда дома никого не было, пятнадцатилетняя Лена в сарае, согнувшись над корытом, стирала бельё. Незнакомый немец вошёл тихо, намотал косы девушки на руку и потащил на сеновал. Лена отчаянно кричала и царапалась. Фриц бил девчонку головой о стену, пинал ногами, в ключья разодрал старенькое платьице. Изнасиловать не успел — увидев сбежавшихся детей, исчез. Разгневанный Николай пожаловался своим квартирантам — через час были выстроены немецкие солдаты со всей станицы. Окровавленную со слипшимися волосами в рваной одежде Лену водили вдоль строя хохочущих, свистящих, улюлюкающих парней в чужой военной форме. Стыдно и страшно, заплаканных глаз Лена не подняла, обидчика не опознала. Чёрный день оставил незаживающую рану в хрупкой девичьей душе. Пережитый кошмар каждую ночь повторял беспокойный сон. Лена выскакивала из постели и незнамо куда бежала. Помогла бабка-знахарка, посоветовав отчаявшемуся Николаю поставить корыто с холодной водой возле кровати дочки.

В шестнадцать лет Лену мачеха выгнала из дома: «Дылда здоровая, живи сама!»

Приютилась девушка в пустующей землянке дальней родственницы бабушки Фроси. Устроилась работать на кирпичный завод, где всегда гулял сквозняк — свечу не затушит, а в гроб положит. Вскоре Лена заметалась в горячечном бреде. Добрая душа бабушка Фрося приносила дрова, топила печь, варила травяные настои, читая молитвы, отпаивала девушку горьким чаем, растирала гусиным жиром. И болезнь отступила. От одиночества отваров нет. Лена тосковала за отчим домом. Вспоминала она рыжего брата Володьку, которого не упускала случай подразнить. Заучивая стихи «Рыжий пёс бежит на лёд, он скулит и лает!», она насмешливо поглядывала на брата. А тот бдительно следил за беззвучным шевелением губ старшей сестры, и при малейшем намёке на обидное слово тут же раздавалось пацанячее: «Мам! Пап! А Ленка опять дразнится! Зараза!»

Едва проснувшуюся младшую сестрёнку Лена вновь убаюкивала, прикрыв веки пальцами.

— Спи, Галька, спи!

Бедный ребёнку ничего не оставалось, как снова заснуть. И тогда Лена мчалась на речку — успеть, хоть разок, окунуться, нырнуть в компании детворы! Во втором классе за отличную учёбу она получила от директора школы книжку Корнея Чуковского «Муха-Цокотуха». Поделиться радостью Лена прибежала к отцу в магазин, где он

работал. Довольный папашка поцеловал дочку и выдал свой приз: большую гроздь янтарного винограда.

Виноватый и молчаливый Николай приходил к Лене только однажды, принёс полмешка проса, брусок хозяйственного мыла. Потом прислал Володьку с сеткой картошки. Потоптавшись, «рыжий» достал из кармана кусочек почерневшей халвы в промасленной газете и протянул сестре. Лена расплакалась.

О родной матери она думала постоянно, пыталась представить её живой, вспоминая рассказы родственников. С ней она говорила, жаловалась на невзгоды, корила за то, что оставила без материнского крыла. Как хотелось ей, хоть раз в жизни услышать: «родненькая, ласточка, голубонька сизокрылая». Так мачеха называла своих дочек. Для падчерицы у неё были другие слова.... Недаром в народе говорят: «без отца — наполовину сирота, без матери — круглая сирота».

С наступлением зимы к одиночеству прибавились непрошеные «квартиранты»: голод, холод, клопы, вши. Решение повеситься к Лене пришло обыденно, заботило одно: где взять верёвку? В грешных навязчивых мыслях тянулись безрадостные дни, закопавшись в грязное тряпье на старом топчане, бедная девушка думала о верёвке. Закрытая на задвижку дверь неожиданно

распахнулась. Будто в тумане на пороге незнакомый подросток, лицо закрывают поля соломенной шляпы, протягивает верёвку.

— На, вешайся! — хриплый голос.

Виденье растворилось вместе с холодной дымкой. Испуганная Лена стрелой побежала к бабушке Фросе. Внимательно выслушав, старушка строго изрекла: «Это нечистый приходил! На смертный грех подбивает, душу твою забрать хочет! Беги, детка, в церковь, исповедайся, покайся! Господь всемилостив: простит и отведёт беду!»

К концу войны Лене пошёл восемнадцатый год. От союзников на кирпичный завод привезли подарки в брезентовых мешках с изображением звёздно-полосатого флага. Ватные фуфайки, резиновые сапоги, кирзовые ботинки — счастливая находка для людей в тяготах войны. Через заводской двор выстроилась галдящая вереница. Оказавшись в хвосте длинной очереди, Лена заметно волновалась: вдруг ей ничего не достанется....

Подарки раздавали расторопные работницы Собеса. За старшего в выцветшем кителе невысокий русявый мужчина, опирающийся на инвалидскую палочку. С шуточками — прибауточками он вёл учёт в большой амбарной книге, частенько оглядываясь на смуглую девушку с толстой косой через плечо. Лена подошла к уже

опустевшим мешкам, и её глаза мгновенно наполнились синими слезами.

— Не грусти, чернявая! Сейчас что-нибудь придумаем! — услышала она бодрый русский говорок с непривычно звонкой «г».

— Меня зовут Егор, а тебя? — протянул ладонь работник Собеса.

Такого внимания к себе Лена не ожидала. Смущённо подняв глаза, она увидела открытый серо-зелёный взгляд, тонкий нос с горбинкой, игривую улыбку взрослого мужчины. Она тихо назвала своё имя и робко ответила на горячее рукопожатие.

— На свой страх и риск я кое-что для тебя оставил. Надеюсь, ругать не будешь? — по-свойски, заявил Егор.

Он расторопно сложил вещи в солдатский мешок, затянул верёвкой, перекинул через плечо и задорно предложил: «Ну, идём!»

— Куда идём? — растерялась Лена.

— К тебе домой, помочь хочу — тяжело ведь! Показывай дорогу!

Смущённо прикрывая ладонью прореху на юбке, Лена неуверенным шагом пошла вперёд, ощущая тепло мужских глаз. Возле двери землянки она остановилась.

— Я уезжаю по делам, через неделю вернусь! На свиданку ко мне выйдешь? — спросил уполномоченный Совбеса.

Лена неуверенно кивнула. Егор решительно взял в ладони её лицо и нежно поцеловал в губы, резко развернувшись, направился к калитке и зашел: «Ох, твои глазки, твои брови доведут нас до любви!»

Оглушённая удивительными событиями Лена присела на топчан своего одинокого приюта, спохватившись, выложила из мешка обновки. И обомлела от счастья! Сказочные наряды с чужого плеча: синяя крепдешиновая блузка в белый горошек с рукавчиками «фонарик», уютная байковая юбка с вышитыми карманами, клетчатый жакет с высокими плечами, кокетливые резиновые ботинки со вставными квадратными деревянными каблуками. Набросив на плечи коричневый платок с бахромой, Лена счастливым мотыльком закружилась по тесной комнате. Всю ночь она не сомкнула мечтательных глаз. Егор понравился, смущало, что не местный, старше годами, и главное, росточком не вышел — вровень с ней.

Был у Лены ухажёр Васька — симпатичный высокий парень. Растролкав соперников, настойчиво за ней ухлёстывал, каждый день провожал домой, пытаясь приобнять да поцеловать. В начале лета Лена сидела на берегу реки, подставив солнышку

мокрые после ныряния волосы. Незаметно подкравшись, Вася положил на плечо девушки мёртвого ужа. Почувствовав что-то холодное, Лена опустила глаза — увидев змеиную головку на груди, ахнула и потеряла сознание. Придя в себя, она по-детски безутешно плакала. Васька испуганно бегал вокруг и кричал: «Я ж пошутил — ужак жедохлый! А ты припадочная, как твоя мамка Пашка Химинючка!»

Эти слова больно хлестнули Лену. Так говорила мачеха, замечавшая в падчерице ненавистное сходство с соперницей. Подскочив, Лена со всей силы ударила обидчика по лицу.

— За мою мамку!

Она вlepила ещё одну пощёчину.

— И за «пошутил»!

— Тю, малахольная! Люди добрые, Ленка сбесилась! — опешил Василь.

Раздался дружный смех молодёжи, загоровшей рядом.

Пытаясь помириться, парень не давал Лене прохода. Но она оставалась непреклонной.

Теперь она думала только о Егоре, считала дни, он сказал «через неделю...».

Шутливо Егор называл себя «коренной русак орловских кровей». Его родители из зажиточных семей соседних деревень Орловской губернии. Впервые они увидели друг друга незадолго до

своей собственной свадьбы. Судьбу молодых решили сваты, и не ошиблись. Заводная хохотушка шестнадцатилетняя Ксения и тихий ласковый двадцатилетний Леонтий понравились друг другу и подружились с первых дней семейной жизни. Потом пришла любовь.

— Они жалеют друг друга! — говорили в деревне.

В счастливом браке родились восемнадцать душ детей — четырежды была «двойня». Выжили двенадцать: восемь сыновей и четыре дочери. Семья не бедствовала, умели, и работать, и веселиться. Леон играл на гармошке и балалайке, задорная Ксения пела и плясала. Дети росли в любви и ласке, выучились на механиков, зоотехников, агрономов, ветеринаров. Шестой ребёнок в семье шустрый и смекалистый Егор получил специальность счетовода — бухгалтера.

Отслужив красноармейцем в Узбекистане, Егор домой не вернулся — в бесконечных разъездах и походах увлечённо изучал богатую географию Родины. По душе пришлась Средняя Азия тёплым климатом, изобилием фруктов, самобытностью кишлаков, гостеприимством людей. С пиалой зелёного чая Егор посиживал в чайхане, душевно общаясь с мудрыми аксакалами. Обходительного русского местные полюбили, считали за честь пригласить в дом на плов и

лепёшки. Праздники и свадьбы без Егора не обходились. После традиционного шашлыка из барашка слышался его тоскующий голос:

*«Вот мчится
тройка почтовая по
Волге-матушке зимой...»*

А следом задорное:

*«Когда б имел
золотые горы и реки,
полные вина...»*

Лихо отплясывая «барыню», «краковяк», «камаринскую», он выкрикивал частушки:

*«Ёлочки, моталочки!
Просил я у
Наталочки!..»*

*«Ой, Семёновна, ты
моя кошечка,
Я пришёл к тебе да
под окошечко!»*

Был Егор и кузнецом, и косарем, и поваром, и рыбаком. Случалась нужда, а «голод — не тётка».

Тогда Егор шёл на рынок, где малограмотные торговцы подолгу считали дневную выручку, разложив деньги кучками на прилавке.

— Эх, жизнь! — вздыхал он и отчаянно бил фуражкой о прилавок.

В потрепанный картуз всегда попадали несколько денежных купюр.

К Фергане Егора привязала пышнотелая разбитная вдовушка десятью годами старше. Познакомились они в сберкассе, где он работал бухгалтером, а Люба — кассиром. Бабёнка оказалась нечистой на руку — частенько присваивала казённые деньги. Поддавшись чарам искушённой в любовных утехх зазнобы, Егор покрывал недостачи. Переживал, боялся разоблачения, и наказания по законам сурового времени.

Любовно — криминальный узел разрубила война. Егора призвали на фронт, за весёлый общительный нрав и умение куховарить держали при штабе. Тяжёлое ранение он получил не в героическом сражении, а случайно, о чём всегда открыто рассказывал. Весенним утром молодые солдаты, словно игривые щенки, устроили шутивную драку на лужайке. Когда внезапно налетевший немецкий самолёт начал обстрел, ребята катались по земле в дружеской схватке. Осколок снаряда попал в Егора, застрыв в

позвоночнике. Решив, что Егор устал, соперник радостно подмял его под себя, одержав сомнительную победу.

После первой неудачной операции Егор едва передвигался. Согнувшись вперёд, для равновесия держал правую руку за спиной, а левой опирался на палочку. Только через полгода из позвоночника Егора извлекли осколок, и он начал медленно выпрямляться, ходить на костылях. Переболел бронхитом и пневмонией. Придя в себя после первой операции, Егор обнаружил на табличке, привинченной к его больничной койке, ошибки в одну букву в имени и фамилии. Но исправлять он не спешил, всё, опасаясь наказания за предвоенное укрывательство кражи в сберкассе. Комиссованного Егора направили работать на Северный Кавказ.

Как и обещал, он пришёл к Лене через неделю. Тёплым летним вечером они сидели у речки Дименюк. По воде, как в сказке, плыли яблоки, упавшие с веток, свисающих над берегом. Егор нежно обнял девушку, прошептал: «Жалкая ты моя! Голубка, ненаглядная!»

От ласковых, душевных слов, впервые услышанных в свой адрес, Лена расплакалась. Не один вечер Егор кружил у вросшей в землю хибарки, напевая:

*«Живёт моя зазноба
в высоком терему,
А в терем тот
высокий нет хода
никому...»*

Через три месяца они стали жить одной семьёй. Обделённую теплом и заботой в сиротском детстве девушку Егор спешил отогреть своей любовью. Убедил Лену уволиться с кирпичного завода, устроил санитаркой в городскую больницу, на курсы медицинских сестёр. Каждый вечер он встречал её с работы, дома пекли в золе картошку, пили чай из листьев смородины и были безмерно счастливы. Печалило Лену, что Бог не даёт детей. Каждый вечер она подолгу стояла на коленях перед иконками, просила Матерь Божью послать ей ребёночка. Через пять лет, не веря своему счастью, она поняла, что вскоре станет матерью. Мечтавший о сыне Егор несказанно обрадовался желанному отцовству. Вечерами он укутывал любимую в одеяло, подхватывал на руки и пел колыбельные ещё не родившемуся первенцу. На восьмом месяце беременности Лены он вдруг замкнулся, помрачнел и объявил, что должен уехать на пару недель по делам.

Время шло, Егор не возвращался. За спиной беременной девушки шептались «сказано: сирота,

несчастливая во всём», недобрые осуждали, а злые и вовсе свистели, плевали вслед. Обманул, бросил — терзалась Лена, но отчаянное сердце в предательство любимого верить не соглашалось. Как бы то ни было, главное — будущий ребёнок! И мечталось Лене, чтобы всё, как у людей — детское приданое: марселевое покрывальце, а к холодам ватное одеялко. Денег — ни копейки, выход один — продать подарки от Егора. Она уложила в наволочку отрез мадепалама в мелкий василёк, марокеновую блузку, дерматиновый ридикюль с застёжкой «поцелуйчик», фельдиперсовые чулки и отправилась на «толкучку».

Несмотря на большой живот, её забрали в милицию за спекуляцию. В сыром душном подвале следственного изолятора ждали решения суда полусотня женщин. Блатные бабы беззаботно играли в карты, дымили «Беломором», хохотали и матерились. В углу подвала испуганно жались другие женщины, рассказывая друг другу похожие истории. На убранном колхозном поле они подбирали початки кукурузы, подсолнуха и свеклы, мечтая накормить голодных детей. Их обвинили в краже государственного имущества. Закашливаясь от табачного дыма и спёртого воздуха, Лена безутешно плакала, боясь приближающихся родов и тюрьмы. И самое страшное — вдруг отберут

долгожданное родное дитя. На четвёртое утро тяжёлая металлическая дверь лязгнула задвижкой.

— Максименко, на выход! Забирай свои оклунки! Пошевеливайся, квочка! — прозвучал командный голос.

Лена со страхом оглянулась и не поверила своим глазам. В свете дверного проёма рядом с милиционером стоял Егор. Заметно волнуясь, он машинально приглаживал ладонью непослушный хохолок русских волос над высоким лбом и виновато бегал глазами по темному подвалу в поисках своей незабвенной.

— Голубка ненаглядная, жалкая моя! — вновь услышала Лена слова уже нечаянного счастья.

Егору удалось уладить дело штрафом. Дома он поведал Лене предвоенную историю в сберкассе, не дававшую ему покоя много лет. Долгая поездка в Фергану не напрасна, сняла груз мучивших тревог, теперь он спокоен за судьбу жены и будущего сына. Сердце Лены радостно замлело: впервые Егор назвал её «женой».

Когда медсестра роддома сообщила Егору, что Лена родила девочку, он разозлился не на шутку.

— Не может быть! А я вам говорю: не может быть! У меня мог родиться только сын! — кричал он на всю больницу.

Два дня он пил горькую, на третье утро пришёл в роддом с букетом полевых ромашек и огромным арбузом.

В своём дитя Егор души не чаял, от колыбели не отходил, пел тягучим голосом незатейливое: «Ой, лю — лю — лю — лю — лю!»

Не забыв мечту о сыне, он всегда говорил «дочик».

К имени долгожданного ребёнка подошли ответственно, решили: дочку назовёт мать, а даст Бог сына — отец. Лене всегда нравилось нежное с лисьим хвостиком имя «Лариса», но смущала буква р. Папашка говорил, что её покойная мать картавила, а если дефект речи передастся по наследству от бабушки внучке? Вырастет дочка, спросят: «как зовут тебя, девочка?», в ответ она и прокартавит: «Лариса». Не годится. В память о матери назвать Пашей — вдруг повторится судьба? Был ещё родной человек в жизни Лены — подруга Тина. С этой кабардиночкой она познакомилась, придя в первый класс. Девочки взялись за руки, сели за одну парту и сходу подружились. Тинины родители, школьные учителя, приняли дочкину подружку, как родную. Огорчившись, что способная Лена не пошла в пятый класс, учебники подсовывали дома. А бабушка всё старалась накормить «сиротку» и в карман гостинчик сунуть. В гостеприимный дом добрых людей, где целая

этажерка книг, Лена бежала с радостью. С первых дней войны отец Тины ушёл на фронт, женщины перебрались в горный аул к родственникам. Подружки расставались со слезами и клялись в вечной дружбе. После войны пошёл печальный слух: за то, что прятали двух еврейских девочек, семью Тины немцы угнали на запад. Лена помнила подругу, молилась о спасении, а её робкое, будто под маленькой вуалькой, имя стало для неё дорогим. Но согласится ли Егор дать необычное имя единственному ребёнку?

Загс и Собес города Нальчик ютились в полуразрушенном здании. Обходительный весёлый инспектор Собеса Егор Мишуткин нравился сотрудницам обоих учреждений. В этот раз он необычно серьёзный и торжественный попросил оформить важные для него документы: свидетельство о браке с Еленой и метрику на месячную дочку. Засидевшуюся в старых девах расфуфыренную начальницу Загса потеря в единицу достойного холостяка не радовала. Не скрывая раздражение, она насмешливо спросила: «С чего вдруг имя нацменское ребёнку? Ты, Егор, орловский кацап, твоя Ленка из местных казаков с хохлацкими фамилиями!»

Недобрая фамильярность Егору не понравилась: «Людмила Дмитриевна, уважаемая! Одна просьба: моя жена намного моложе вас,

можете называть её просто — Елена! А имя своей дочке мы даём в память о дорогом для нас человеке!»

Молодой семье жилось нелегко, маленькая Тина в холодном флигеле постоянно болела. Сырая осень давалась трудно, а надвигалась суровая зима. По совету бабушки Фроси Лена решила на переезд из землянки в пустующий добротный дом Химинюков. Через три дня, когда Егора не было дома, явилась беременная мачеха, оттолкнув падчерицу, схватила подушки, одеяла и выбросила из окна прямо в грязь. Обзывая падчерицу «нахабой», Маня на всю станицу кричала, что дом остался вдовцу, у них уже трое детей и скоро будет четвёртый. Егор рвался разобраться с роднёй жены, но Лена умоляла не разжигать вражду, и они вернулись в землянку. Однажды баюкая дочку на руках, она задремала, и привиделось, будто несет вязанку дров и резко бросает к печи. Мгновенно проснувшись, она с ужасом поняла, что отшвырнула ребёнка. Спасло ватное одеяло — Тина спала, как ни в чём не бывало.

Мечтая о лучшей доли, Егор решил переехать в многообещающий стахановский Донбасс. Денег хватило на полбилета. Лена с трёхлетней Тиной с трудом втиснулась в переполненный общий вагон, Егор махнул на крышу поезда. Всю дорогу она переживала об опасной езде мужа, а он боялся, что

жену с дочкой высадят — согласно билету свою станцию они давно проехали. Видя голодные глаза Лены, попутчики подзывали её малышку, давали печёную картошку, солёные огурцы, сухари. Смущаясь, Лена кормила дочку, немного ела сама, остальное насильно засовывала в карманы мужа, прибежавшего на больших стоянках. Сердце Егора всё больше сжималось, сможет ли он своим любимым жалким обеспечить лучшую жизнь, которую пообещал?

Три дня они жили в зале ожидания железнодорожного вокзала шахтёрской столицы. Оставляя простуженную с высокой температурой жену, возле неё дочку, Егор бегал в поисках работы. Тяжёлого шахтёрского труда было много, но инвалида второй группы на работу не принимали. Главный инженер шахты «Мушкетовская» Фёдор Иванович собирался по служебным делам в Москву. В ожидании поезда он не мог оторвать взгляд от молодой женщины с лихорадочным блеском синих глаз на пылающем смуглом лице. Время от времени милая незнакомка ложилась на грязную вокзальную скамью и тут же вскакивала, испуганно ища глазами дочку. Чумазая маленькая девчушка послушно сидела рядом с матерью, по-старушечьи, сложив ручки на худеньких коленях. Как только в зале ожидания кто-то разворачивал еду, она оживлялась, подбежав,

ничего не просила, только в упор смотрела, похожими на мамины глазами. Схватив угощение, она спешила назад, по-хозяйски, совала еду в котомку, лежащую возле скамьи. К ним подошёл невысокий русый мужчина с грустью в глазах, взял малышку на руки, поцеловал. Присев, он что-то виновато объяснял женщине и гладил её сбившиеся волосы.

Решив познакомиться, Фёдор Иванович открыл пачку папирос. От курева незнакомец отказался, но охотно разговорился. Нехитрая история мытарств молодой семьи тронула чужого человека. На клочке бумаги Фёдор Иванович написал директору шахты просьбу, в виде исключения, принять Егора на работу. Второе обращение он адресовал шахтному врачу своей сестре Катерине о переоформлении второй группы инвалидности Егора на рабочую третью. И ещё просил Катерину временно приютить бездомную семью. Счастливой встрече Егор радовался, не до конца веря в чудеса. Не имея и трёх копеек на трамвайный билет, он отказывался от денег, предложенных случайным благодетелем.

— Послушай, Егор, ты отвечаешь за жену и ребёнка! Долг вернёшь с первой полочки. Сейчас отправляйтесь к моей сестре, она — врач, Елене нужна помощь. Удачи, дорогой! — настаивал Фёдор Иванович.

Трамвай привёз Мишуткиных в шахтёрский посёлок Чумаково. Поселились в старой землянке во дворе Катерины и её мужа Равиля с певучей татарской фамилией Фалимулины. Десять рублей, взятые в долг у Фёдора Ивановича, тратили экономно: на хлеб, перловку и сто граммов шоколадных конфет, чтобы каждый день из «Ласточки» сварить какао на воде для «дочика».

Егор пошёл на самую тяжёлую работу — в забой, где всегда нестерпимо жарко, душно и сыро. Лёжа на боку, опираясь на согнутую руку, он неустанно рубил киркой уголь. Затекало тело, до кости растирались локти, угольная пыль забивала глаза и нездоровые лёгкие, покрывала нарывами кожу. В короткой передышке Егор съедал скудный «тормозок», пил тёплую воду из алюминиевой фляги. Одиноко, тоскливо, шныряют голодные крысы. Спасала песня.

— *«По диким степям
Забайкалья, где золото
роют в горах,
Бродяга, судьбу
проклиная, тащился с
сумой на плечах,
На нём рубашонка
худая и множество
разных заплат...»*

Работал Егор по двенадцать — четырнадцать часов в сутки, от положенных выходных отказывался. Первую получку по незыблемой шахтёрской традиции «обмыли» мутным самогоном в граненых стаканах. Измотанный Егор после второй чарки свалился. Домой его принесли на руках товарищи по бригаде. Нищета, в которой жила семья новенького, поразила неизбалованных жизнью людей, не оставила безучастными. На следующий день Мишуткиным от шахтного профсоюза привезли матрац, подушки, ватное одеяло, жестяное ведро и корыто. Особенно радовалась Лена корыту — застелив одеялом, устроила колыбель для дочки.

Часами она выстаивала за продуктами в очередях с трёхзначными номерами, написанными на запястьях рук химическим карандашом. Дома она топила угольную печь, варила постный борщ, перловую кашу.

— Борщ и каша — еда наша! — радовалась Лена.

Стирала она перед корытом на коленях. В последнюю воду для полоскания белья на мгновение опускала волшебный мешочек с синькой, перекрашивая желтизну в небесную лазурь. Отдельная стирка — шахтёрская «спецовка». Добавив в воду каустиковую соду,

ускользающим куском коричневого мыла Лена натирала замоченную робу. Распухшие, разъеденные щёлочью ладони сжимала в кулаки, выстирывая грубую ткань. Маленькая Тина заморожено наблюдала, как над чёрной мутной водой взбивается светлая пена, и рождаются разноцветные пузырьки. Собрав их соломинкой, пускала в свободный полёт, радуясь празднику в мрачной землянке. Выстиранное бельё Лена развешивала на протянутой через двор верёвке, с силой выплескивала воду из корыта на землю, будто желая навсегда избавиться от грязи. Вытерев уставшие руки о фартук, она заправляла выбившуюся прядку чёрных волос под влажную косынку и с гордостью повторяла бабью приметку: «Фартук сухой — значит, муж не будет пьяницей!»

Егор приходил с работы чуть живой от усталости. Увидев бегущую к нему дочку, он расплывался в лучезарной улыбке и приседал на корточки, подхватив, подбрасывал в воздух. От страха у Тины занимало дыхание, но она хохотала и снова просилась в полёт. Нежными пальчиками она гладила в трауре угольной пыли папины воспалённые глаза, целовала пахнущие едким мылом колючие щёки.

— Ты и так уморился, Егор! Отдыхать надо, а Тина уже тяжёленькая! — заботилась Лена.

— Она же мой жалкий родной дочик!

Он надолго и надрывно закашливался, потом жадно пил жидкий чай, неохотно ел и укладывался спать, чтобы через шесть часов снова спуститься в долгую подземную вахту.

Уходя из дома, Лена стелила на земляной пол одеяло, строго-настрого запрещала дочке выходить за его границы. Будто понимая житейские тяготы, маленькая Тина старалась не огорчать родителей. Однажды Лена наблюдала через слюдяное окно, как её малышка пыталась достать резиновую уточку, выкатившуюся за одеяло, не дотянувшись, горько заплакала. Подхватив ветрянку, Тина не забыла материнский наказ не расцарапывать зудящие волдыри, терпела, приговаривая: «Чечится, сильно чечится!»

А летом навалилась дизентерия. В сопровождении участковой медсестры Лена везла дочку в стационар городской больницы. Несмотря на жару и тёплое одеяло, ребёнок лихорадило. В трамвае досужая старушка, расспросив Лену, участливо посоветовала: «Не отдавай дитя в больницу — умрёт! Если так угодно Богу, пусть это случится у тебя на руках дома!»

На ближайшей остановке, подхватив дочку, Лена выскочила из трамвая под возмущённый крик медсестры: «Мамаша, вы, что, умалишённая? Ответите за смерть ребёнка!»

Присев на лавочку в сквере, Лена отвернула одеяло — увидела не по-детски уставшие глаза, обведенные тёмными кругами. И вдруг дочка попросила: «Кушать, молочка...»

«Перед поправкой или... — раз так, пусть полакомится!» — решила Лена и купила брикет сливочного мороженого. Она с тревогой наблюдала, как дочка ела, отдыхая после каждого глотка. Желтизну на впалых щёчках неуверенно раздвигал слабый румянец.

Немолодую чету Фалимулиных Господь облагодетельствовал устроенной жизнью, но обделил главным — детьми. Заспавшийся родительский инстинкт в добрых душах разбудила маленькая квартирантка. Вирус любви к ребёнку, попав в благодатную почву, развился в эпидемию. Тина это чувствовала, с радостью бежала в благополучный дом, где, как принцессу, её усаживали на кровать среди подушек, кормили вкусеньким. Бывало, ради забавы, хозяева не предлагали угощение, расставленное на столе. И тогда Тина, заложив руки за спину, требовательно смотрела в лицо доброй тёти и строго спрашивала: «Ну, чёс ты? Чёс не плигласаеь?»

Перебрав гардероб, Катерина перешивала свои вещи в детские, вязала кофточки, юбочки, украшая крылышками, рюшечками, бантиками. Ей неудержимо хотелось радовать ребёнка.

Поспешив в очередь за хлебом, Лена оставила дочку во дворе, Катерину попросила присмотреть. В новом красном платье от тёти Кати Тина срывала одуванчики и старательно сдувала пушинки. Из сарая важно вышел петух. Увидев красный цвет, зовущий к бою, он звонко закукарекал, воинственно заиграл шпорами и взмыл в воздух. Приземлившись на голову девочке, пернатый злодей клевал, целясь в блестящие от ужаса и слёз детские глаза. Неистово визжа, Тина беспомощно отмахивалась руками.

На детский крик поспешила Катерина, с трудом поймала петуха за сильные крылья, закрыла в сарае. Подбежав к бьющейся в истерике Тине, увидела залитые кровью глаза, пульсирующие красные роднички над верхней губой. Подхватив малышку на руки, она помчалась в дом, промыла, обработала раны. Глаза, слава Богу, целы, но над бровью и губой петушиный клюв оставил следы надолго, а может, навсегда.

Наконец, Тина успокоилась, уснула на перине под пуховым одеялом. Катерина неотрывно смотрела, как обиженно морщится детское личико и всхлипывает во сне.

— Только не пугайся, ничего страшного — до свадьбы заживёт! Сейчас дитё согрелось — пусть себе спит, успеет в холодное жестяное корыто! — убеждала Катерина встревоженную Лену.

Вернувшись в землянку, Лена взялась готовить обед, но всё валилось из рук.

— Где наш дочик? — первым делом спросил вернувшийся с работы Егор.

Встретила необычно бледная Катерина, после молчаливого замешательства заговорила решительно и быстро, будто боясь не успеть высказаться: «Лена, Егор... Отдайте нам Тиночку!»

— Как это... отдайте? — побледнела Лена.

— Навсегда! Мы с Равилем её очень полюбили! И ей у нас хорошо! Вы молодые, у вас ещё будут дети! Ребёнок вас забудет, нас будет считать своими родителями! Заберите все наши сбережения, уезжайте с Богом из этих мест, денег вам хватит на новую сытую жизнь! Вы — нищие, что можете дать ребёнку? А мы обеспечим Тине счастливое будущее! Выучим — человеком сделаем!

Спешно развернув старую пожелтевшую газету, Катерина высыпала на стол перевязанные шпагатом крупные купюры денег.

Лена зарыдала. Егор подскочил, как ужаленный, возмущённо закричал: Ты что, Ивановна? Брось дуришь! От кого-кого, а от тебя я не ожидал такого! Отказаться от родного дитя? Волчица и та своих детей не бросит! Никогда

никому не отдадим своего дочика! Забери деньги и отойди от греха подальше!»

— Мама, папа, домой хочу! — проснулась Тина.

На следующее утро Егор решительно открыл дверь шахтного комитета. Непривычно агрессивный он бил кулаком по столу, требуя жильё. И ему, передовому забойщику, наконец, выделили комнатуху в коммунальном бараке шахтёрского посёлка, именуемого в народе Шанхай. Собрав нехитрые пожитки, Егор и Лена поспешно выехали, увозя единственное своё богатство: маленькую дочку. Катерина тихо плакала у окна, Равиль беспомощно разводил руками. Благодарная Лена иногда навещала Фалимулиных, но дочку у них не оставляла.

...Оказывается, буквы иврита пишутся справа налево, книжки открываются с обратной стороны. Тину выручал английский, но она полагала, что обязана знать язык народа, среди которого жила. По её просьбе Шимон записал её в «ульпан» — бесплатную школу для репатриантов. Русскую приняли на условии ежемесячной оплаты. В классе собрались человек двадцать учеников: немолодая супружеская чета из Румынии, средних лет женщина из Франции, парень из Аргентины, девушка из Германии, остальные — бывшие граждане СССР. Преподавала иврит приятная и

доброжелательная многодетная израильтянка Нава, не знающая единого русского слова. Изъяснялась она на английском, а Тина с удовольствием исполняла роль переводчика. Удивляя рвением, Тина добросовестно постигала иврит.

— «Русия — талмида това!» — с уважением отзывалась Нава.

«Русская — ученица хорошая! — уже понимала Тина и радовалась, как первоклашка. Как в счастливые школьные годы, теперь взрослые ученики, поглядывая на часы, напоминали учительнице: «Авсака, авсака!»

Улыбчивая Нава объявляла положенные двадцать минут отдыха. С виду чопорные люди наперегонки бежали к благотворительному столу. Торопливо расталкивая друг друга локтями, они выхватывали кофе, молоко, сахар. Чувствуя неловкость, Тина отходила в сторону.

Через месяц в их классе остались только русскоговорящие и румыны. Молодые люди вернулись в Аргентину и Германию. Откланялась и Жюльет, сидевшая с Тиной за одной партой. Они успели подружиться — коллеги по экономике, сыновья близкого возраста. Жюльет пригласила Тину в гости в Марсель, оставив адрес и номер телефона. Попрощался с одноклассниками и Герман, видный мужчина внешности мушкетёра

Портоса, вернулся в Москву, продолжил работу в архитектурном бюро.

В подруги к Тине активно набивалась «одноклассница» Ада, бывшая жительница Новосибирска, музработник. Своего отца Ада не знала, родная мать страдала психическим расстройством. Выросла она вместе с двоюродной сестрой в благополучной состоятельной семье родной тётки. Получила музыкальное образование, рано выскочила замуж за курсанта военного училища Валерия, родила дочку. Семейная жизнь прошла в бесконечных разъездах по Союзу и соцстранам. Перестройка поставила крест на военной карьере мужа, но открыла в нём талант оборотистого коммерсанта опта зерновых, сахара и других продуктов. Зажили по-новорусски: квартиры, дом, машины, личные водители, прислуга. Закончилось всё быстро и печально. Валерий рассорился с компаньонами, запутался в долгах, проигрался в карты и спился.

И тут Ада вспомнила о своих еврейских корнях. Быстро оформив необходимые документы, она сбежала в Израиль, предоставив мужу-неудачнику расхлёбываться самому. Исчезла она вовремя, избежав трагической участи Валерия, вскоре убитого неизвестными в их последней маленькой квартире. Бизнес разрулил толковый зять, надёжно обеспечивая свою семью, поэтому за

дочь и маленьких внуков Аде переживать не приходилось. У неё была другая забота — устроить личную жизнь, выйти замуж за богатого израильянина. Обычно, для достижения своих целей она не останавливалась ни перед чем. Родственники Аду недолгоблюдали, за глаза называли «вечная захребетница», по-свойски сочинили четверостишие:

— *Прибыв на землю
«из бетона»,
Решила «хитрая
лиса»
Найти махрового
еврея!
И этот трюк ей
удастся!*

Открыто завидуя удачному замужеству Тины, Ада как-то напросилась в гости. Поужинали с коньячком. Шимон удалился покурить. Достав из сумочки дамские сигареты, Ада последовала за ним. Тина приготовила десерт и прошла к «офису», увидела подругу, сидящую на подлокотнике кресла рядом с Шимоном. Жарко прижимаясь к мужскому плечу, гостя непристойно хихикала, на плохом иврите просила: «Пойдём в твою машину! Отвези меня домой!»